

ДМИТРИЙ РУС

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 1. СРЫВ

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 2. КЛАН

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 3. ДОЛГ

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 4. ИНФЕРНО

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 5. БИТВА

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 6. ВОЙНА

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 7. ИСХОД

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 8. ПУТЬ МОЛОДОГО БОГА

ДМИТРИЙ РУС

ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ
КНИГА 1. СРЫВ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р88

Иллюстрация на переплете *В. Манюхина*

Рус, Дмитрий.

Р88 Играть, чтобы жить. Книга 1. Срыв / Дмитрий Рус. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-110591-4

Невероятный феномен Срыва всколыхнул мир. Играя в любимую онлайн-игру – будь осторожен при полном погружении в виртуал! Есть немалый шанс, что твое сознание сбросит оковы ущербного тела и навсегда останется в иной реальности. Горе тому, кто завис в «Тетрисе»! Не позавидуешь и тем, кто сотни раз в день вынужден гореть в броне танковых симуляторов... Но можно ли назвать счастливым того, кто сознательно воспользовался феноменом Срыва и добровольно погрузился в бескрайний мир меча и магии?

Судьба не предоставила Глебу времени на размышления. Смертный приговор врачей перевернул последнюю страницу жизненного календаря. Как поступить – тихо угасать, вычеркивая оставшиеся дни один за другим, или рискнуть, решившись на Срыв?

Ставки сделаны – жизнь на зеро. Выбор Глеба – играть, чтобы жить!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110591-4

© Рус Д., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Особо важно.

Только лично.

Экземпляр единственный.

Из аналитической записки Президенту РФ:

«...По итогам прошедшего, 203X года, из-за проявления феномена срыва, мы потеряли 82 000 человек, что в 3,2 раза больше, чем в прошлом году. Однако нужно заметить, что исчезновение данных граждан в основном лишь усиливает генофонд нации и облегчает нагрузку на экономику страны. Среди добровольно ушедших в срыв, более 89 процентов являются стариками, инвалидами, безнадежно больными, асоциальными элементами, либо просто инфантильными и слабо приспособленными к реальной жизни людьми. Одним словом — социальный балласт.

После введения 16-й поправки к Закону об Интернете и Виртуальной реальности, ограничивающей пребывание в ВИРТе 4 часами в сутки, количество спонтанных срывов уменьшилось до 2600 случаев в год. Несмотря на то что в США и странах Западной Европы время нахождения в ВИРТе ограничено 3 часами, мы не видим потребности в заимствовании данного опыта, тем более что такой шаг вызовет сильнейшее противодействие Железного Лобби. Однако уже

сейчас мы рекомендуем озаботиться созданием ряда заградительных мер для уменьшения и постепенного свода на нет потока граждан, желающих добровольно воспользоваться феноменом срыва. Предлагаем следующие меры:

1. Законодательно ограничить степень детализации ВИРТ-миров.

2. Задать максимальный уровень конфигурации и топовой комплектации капсул ВИРТа.

3. Принудительное ухудшение качества связи, вплоть до псевдослучайных разъединений каждые Икс-часов.

4. Полный либо частичный запрет на подключения к ВИРТ-мирам со степенью виртуализации более 40 процентов для граждан определенных категорий, как то: чиновники, военные, ценные научные сотрудники и секретноносители всех степеней...»

ГЛАВА 1

— Месяц. У вас остался месяц более или менее полноценной жизни. — Врач снял очки и устало прикрыл глаза.

Я понимаю, что его профессия неизбежно превращает любого романтика в прожжённого циника, но, похоже, лично сообщать ТАКИЕ новости пациенту было всё же не просто.

— Месяц... — повторил рано поседевший профессор. Тряхнув головой, он сжал губы в злую нитку и рубанул правду-матку: — А затем всё зависит от того, что у вас закончится раньше: запас здоровья, желание жить при всё усиливающейся боли, или деньги на недешёвую терапию и медикаменты. Вы извините, что я говорю так резко и не завуалированно. Мне действительно очень жаль... Обычно, диагнозы из списка «А» мы сообщаем только родственникам, но данных о таковых вы не представили... Извините... Мне кажется неправильным, если свой последний месяц вы проведёте в больничных очередях. Неоперабельная опухоль головного мозга — увы, это конец пути. Современная медицина тут бессильна. Я рекомендую привести дела в порядок, отдать долги друзьям, может быть, съездить на море с близким человеком...

Доктор говорил что-то ещё, но звук его голоса уплывал, слова доходили до меня с трудом. Застывшим взглядом я смотрел на руки врача, беспрестанно теребившие какие-то бумаги, а в голове билась только одна мысль: «Как?! За что?! Мне же всего тридцать один, жизнь только начала налаживаться, какой, к черту рак?»

Лишь последняя фраза медика вдруг зацепилась в сознании. Современная медицина? Он сказал: «современная»? А медицина будущего? Она-то ведь наверняка сумеет?

Я вскочил с тоскливо скрипнувшего кресла, которое смертельных приговоров слышало больше, чем скамья подсудимых, и, скомканно попрощавшись, бросился к двери. Не дожидаясь лифта, прыгая через три-четыре ступеньки, я рекордным темпом добрался до парковки и плюхнулся в водительское кресло своего «Хундая». Достал из чехла коммуникатор, запустил браузер и наморщил лоб, вспоминая, что там бубнило радио по дороге на работу? «Мы продаем бессмертие... Шанс на вечную жизнь... Увидеть будущее своими глазами... Центр продления жизни...» «Скрупулёзно выверенные маркетологами слоганы прочно засели в голове, а вот нужная инфа никак не всплывала. Как же этот Центр назывался-то? На попытку напрячь мозг голова ответила очередной вспышкой боли, перед глазами заплясали цветные круги. Я поморщился и замер на секунду, переживая приступ. Рука нащупала упаковку с обезболивающим — когда в последний раз принимал? В десять вроде, после завтрака? Рано, значит, надо протянуть ещё хоть пару часиков, и так передоз — доктор вон пожурил слегка, печень мол, угроблю. Шутник... Блин, как же эта фирма называлась-то? «Арканзас», «Алькатрас», «Алькор»! Точно, «Алькор»! Быстро

нагуглил телефон московского офиса и тут же набрал.

— Фонд продления жизни «Алькор», — раздался мелодичный, наполненный искренним желанием помочь, девичий голос.

— Э... — Я запнулся. — Здравствуйте... Хотел бы узнать по поводу криозаморозки, куда можно подъехать и обсудить все детали?

— Конечно, примите координаты для навигатора...

Уже через сорок минут я парковался у навороченного бизнес-центра, где «Алькор» арендовал целый этаж. Подъём на скоростном лифте вызвал лёгкий детский восторг, испорченный новым приступом головной боли. Всё-таки не выдержав, я на сухую проглотил обезболивающее, попросив таблетку передать пламенный привет печени — пусть не обижается и не рассчитывает, что после моей смерти её пересадят алкоголику-миллионеру.

Менеджер по работе с клиентами была очень молода и вызывающе красива. Строгий деловой костюм дополняла пикантная изюминка в виде «случайно» расстегнувшейся пуговицы блузки, что слегка увеличивало зону декольте и будоражило фантазию. Однако, несмотря на возраст, речь девушки была профессионально поставлена, глаза внимательны и полны участия.

— В Штатах наша компания работает ещё с шестидесятых годов. Сейчас у нас десятки центров по всему миру, да и на российском рынке криоуслуг мы уже пять лет. Кстати, вам повезло — в связи с юбилеем у нас грандиозные скидки!

— Простите, — прервал я рекламную речь. — А как выглядит сама процедура, ну и порядок цен тоже хотелось бы услышать.

— Конечно! После оплаты и заключения контракта вы получаете специальный медицинский датчик, который следит за здоровьем и связан напрямую с нашей реанимационной бригадой. В случае угрожающих состояний, некоторое время бригада сможет находиться рядом с вами неотлучно. После получения официального свидетельства о смерти медики приступают к операции по подготовке клиента к замораживанию...

— Погодите! — ошарашенно прервал я. — Какого свидетельства о смерти? Вы собираетесь ждать, пока я умру?

Менеджер понятиво кивнула, вопрос ей был явно привычен:

— Да. Мы ведь не можем вас заморозить живого, по всем существующим законам это будет убийство. Поэтому вначале нам нужно получить юридический документ, удостоверяющий вашу смерть. После этого наши специалисты насыщают ткани организма клиента раствором криопротектора и начинают постепенно охлаждать тело. По завершении процедуры его транспортируют в депозитарий, где после окончательного замораживания клиент помещается в криостат, наполненный жидким азотом. Тело хранится в депозитарии в течение срока, оговоренного в контракте, — как правило, до появления технологии, которая позволит вас оживить.

Девушка радостно улыбнулась, как будто я уже был разморожен и она с гордостью сообщала о спасении моей жизни. Однако перспектива дожидаться собственной смерти меня совсем не радовала. Не похоже это на обещанную вечную жизнь.

— И сколько это удовольствие стоит?

Девушка вытащила прайс-лист, и в глазах зарыбило от количества нулей.

— В связи с юбилеем, — менеджер многозначительно помахала пальцем, — цена снижена на двадцать процентов! Полный комплект услуг вам обойдётся лишь в семьдесят тысяч долларов!

Увидев мои взлетевшие брови, она торопливо продолжила:

— Однако всего за двадцать пять тысяч, можно заморозить только голову! А за шесть тысяч — образец вашего ДНК и, после того как в будущем научатся клонировать людей, смогут вырастить вашего клона! Наши аналитики утверждают, что существует некая доля вероятности, что он сохранит часть вашей личности!

Я ошарашенно уставился на неё. Бред какой-то. Похоже, тут просто выдаивают досуха людей, цепляющихся за последнюю надежду. Впрочем, официальная медицина грешит тем же. В конце концов, их цель зарабатывать деньги, а не делать нас здоровыми.

— Я подумаю...

Решив, что этот аукцион невиданной щедрости и радужных перспектив пора заканчивать, я встал. С девушки на секунду спала маска профессионального продавца, она протянула мне руку и посмотрела прямо в глаза.

— Глеб, мне почему-то кажется, что у вас всё получится. Держитесь. Я вам ещё перезвоню, чтобы узнать о вашем решении, быть может, удастся выбить дополнительную скидку.

— Спасибо... — На секунду я замялся, отыскивая глазами бейджик. — Спасибо, Оля. Прорвёмся.

Я улыбнулся, на мгновение задержал в руке бархатную девичью ладошку, а затем с сожалением разжал пальцы, развернулся и торопливым шагом вышел из переговорной. Интересная девушка,

с двойным дном. Ещё вчера я попробовал бы познакомиться с ней поближе, может, чего и выгорело бы. Но сегодня... Чертова болячка!

В общем, надо поглубже пробить эту тему, какой-то шанс, отличный от нуля, замораживание даёт. Всё-таки это реальный, хоть и крохотный лучик надежды и в моём случае отмахиваться от него нельзя — уж больно безрадостна альтернатива. Были бы деньги — рискнул бы, не задумываясь. Всё равно их в могилу с собой не забрать. Однако такой суммы я и в руках-то никогда не держал, не говоря уже о полноценном обладании.

Лишь в последние пару лет я перестал быть куском говна, плывущим по течению, и смог взять себя в руки. Поднял задницу от продавленного кресла у компьютера, стал держать нос по ветру, крутиться, интересоваться и пытаться. Приподняться удалось на любимом деле, что немудрено — как говорил кто-то из великих: «Найди себе дело по душе, и тебе никогда не придётся работать». В общем, занимался ремонтом и настройкой различного компьютерного железа. Брал не особо и дёшево, но работал от души, качественно и всегда делал немного больше, чем от меня ожидали. Сарафанное радио уверенно разносило весть о неплохом мастере, постепенно денежный ручеек становился всё полноводней. Но скопить толком пока не удалось, финансовый поток растекался во все стороны, заполняя бреши, образовавшиеся за годы амёбного существования. Купил вот изделие корейского автопрома: «Хундай»-двухлетку, сменил гардероб, занялся спортом, появились деньги на хобби и девушек, начал регулярно подкидывать денег матери. Всё это позволяло уверенно стоять на ногах и чувствовать себя мужчиной, но никак не откладывать. Перспективы были хороши, я уже

просчитывал вариант расширения дела и найма помощника, но вот пришла беда, откуда не ждали...

Ладно, вернёмся к нашим баранам. Нужны деньги. Задача минимум — оставить матери как можно больший запас средств. После того, как в аварии разбился отец, у неё случился инфаркт, стали плохо слушаться ноги, но маман молодца — бодрится как может. Переехала из города в старый дедовский дом, говорит, что ближе к земле ей легче. Однако грошовой пенсии по инвалидности на жизнь, конечно, не хватает, поэтому моя помощь была очень кстати. Без неё — стремительное скатывание в нищее существование, безнадёжное пересчитывание монеток в сморщенной ладошке у дверей магазина в попытке решить сложную задачу: можно ли помимо хлеба позволить себе пакет кефира, или ждать воскресенья...

А вот задача максимум — раздобыть денег ещё и на заморозку. Надо дать себе шанс, ибо тупо сдохнуть я всегда успею. Где можно добыть штук сто наличкой, причём отнюдь не рублей? Восстановить социальную справедливость и грабануть олигарха или продажного чиновника? Моральных угрызений такая идея у меня не вызывала, но раскулачивание толстосумов — не такое простое дело. Все они давно отгородились от народа охраняемыми стенами элитных посёлков, без умения и должной подготовки их цитадели не взять. Скорее всего, погорю ещё на стадии подготовки и последние недели жизни проведу на деревянных нарах КПЗ, а то и сразу отправят на кладбище.

Думаем дальше... Выиграть в казино или лотерею? Шанс минимален, но если мне что-то и положено на небесах, то нужно попробовать. Значит, ставим заметку в уме: выделить баксов пятьсот на казино. Проверим, как ко мне относится богиня удачи.

Что ещё? Где много наличных денег? В банке. Ограбить отделение, как в Америке, с запиской: «У меня пистолет, сложите все деньги в сумку и передайте мне, иначе начну стрелять»? Интересно, какие инструкции на этот счёт у наших кассиров? Бред, конечно, ну дадут тебе сто тыщ деревянных мелкими купюрами. Даже если сможешь уйти и не попасться, этот фокус придётся проворачивать ещё пару десятков раз. Да и банкстеры начнут вытрушивать свои деньги из маман. Хотя зачем грабить? Можно для начала и ссуду попросить... В глазах банка я старый надёжный клиент, частный предприниматель со всё возрастающими доходами. Таковую репутацию можно и нужно монетезировать. Решено, еду в банк, заскочу только домой, возьму побольше бумажек, подтверждающих мои доходы и перспективы. Черновик бизнес-плана по расширению дела тоже пригодится.

Банковский клерк сразу направил меня к начальнику отдела — крупными ссудами тот занимался лично. Им оказался колоритный дяденька солидного возраста и откровенно семитской внешности. Вначале он достаточно скептически выслушал меня, затем, смешно шевеля губами, полистал мои бумажки. Видимо, что-то решив для себя, кивнул седой головой:

— Ну что ж, молодой человек. Страна у нас потихоньку выходит из кризиса, президент всячески ратует за поддержку малого бизнеса, и мы внимательно прислушиваемся к его рекомендациям. Я-таки вижу у вас потенциал развития; если вы и дальше будете работать головой, а не только руками, то дело, думаю, пойдёт. Запрашиваемые сто тысяч мы, конечно, не дадим, да они вам и не нужны, но вот тысяча двадцать-тридцать — получить вполне реально. Ну-с,

давайте посмотрим, что и на каких условиях из всего этого можно выжать.

Начальник придвинул к себе клавиатуру и довольно бодро принялся топтать её пальцами, время от времени останавливаясь, и, шевеля губами, вчитывался в текст на мониторе. Вдруг он нахмурился и наклонился к экрану поближе. Затем взглянул на меня поверх очков и покачал головой. Я напрягся, что-то дядя накопал, и явно нехорошее. Он снова уставился в монитор, покликнул немного мышкой, а затем раздражённо оттолкнул от себя клавиатуру и откинулся на кресле.

— Ай-я-я-ай, молодой человек. А с виду такой правильный юноша. Я, конечно, очень сочувствую вашему горю! Вы приходите ко мне, просите помочь, и я готов дать вам денег как родному сыну. Но на самом деле вы просто хотите подвести Яков Самуиловича под невозвратный кредит?! Нехорошо! Вы разве не знаете, что индивидуальная карта москвича привязана в том числе и к вашей медицинской карте? И у всех заинтересованных лиц есть официальный доступ к этим данным. А банк — лицо очень заинтересованное!

Дяденька выглядел расстроенным, а я чувствовал себя просто оплёванным — было стыдно, как в детском садике за мокрые штанишки. Вот так поймать за руку, глаза в глаза... Н-да, похоже, преступник из меня никакой. Нет должной наглости и куража... Щёки мои пылали, и я встал, противно скрипнув стулом:

— Матери хотел денег оставить, болеет она... Извините... — буркнул не очень внятно, старательно не глядя в глаза.

Я уже сделал шаг к выходу, когда начальник, властным и резким голосом, произнёс: